

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИИ КУЛЬТУРЫ США В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АМЕРИКАНСКИХ РОМАНТИКОВ*

Аннотация: В данной статье автор принимает попытку исследовать понимание американским обществом первой половины XIX века таких категорий, как пространство и время через литературное творчество американских романтиков, что позволяет лучше понять духовный облик Америки тех лет. Общество в своем повседневном существовании находится в рамках времени и пространства. Автор статьи отмечает, что американские романтики в своем творчестве постоянно оперировали категориями прошлого, настоящего и будущего. Однако они полагали, что в вечности пространство и время не имеют реальности на духовном уровне. Вечность является нематериальной реальностью. Человек не может её воспринять своими «земными» способностями, но, возвышая душу к духовному миру, он может внутренне прочувствовать эту реальность.

Ключевые слова: пространство, время, менталитет, религиозное сознание, духовный облик страны.

Представления человека о пространстве и времени имеют давнюю историю и являются так или иначе религиозно обусловленными. Бытие Божие подтверждается множеством знамений, духовным опытом огромного числа людей, словами священных книг. Как только человек задумывается над проблемой бесконечности Времени и Пространства, он неизбежно приходит к мысли о Боге. Главным в вопросе о пространстве является вопрос о существовании (или несуществовании) трансцендентного, что лежит за пределами человеческого понимания (именно этот термин употребляет большинство современных ученых). В понимании же времени основным является вопрос о том, откуда и куда движется наш мир. Представления о пространстве и времени – это часть человеческого наследия, они представляют собой важные составляющие ментальности общества.

В большинстве энциклопедий пространство характеризуется через заполняющие его объекты, их свойства и взаимоотношения.

Вера в Бога в американском обществе

первой половины XIX века предполагала существование трансцендентного, а «рационализм и решительность» Америки этого периода, в свою очередь, утверждает: существует только мир эмпирической реальности. Однако в сознании романтиков могут существовать параллельно как земной мир, так и множество других запредельных миров. Создается такое впечатление, словно американские романтики экспериментируют со «средами», пытаясь понять: можно ли при помощи языка создать иную реальность, можно ли в ней жить?

Ученые выделяют следующие миры: мир физической современности, мир религиозных догматов, мир национального фольклора.

Существует, прежде всего, мир физической современности – земной мир. Мир физической современности или «объективная действительность» – это мир, где живёт человек. Это материальный мир, «здесь и сейчас», современность (всё то, что принято и возможно сейчас). Объективная действительность – это эмпирическая действительность или то, что называется «миром». С одной стороны, «мир физической современности» играет роль буфера между другими «мирами».

С другой стороны, то, что «бывает на самом деле», обычно невысоко ценится романтиками. В доказательство этого момента хотелось бы привести фразу французского писателя того времени Шарля Нодье: «Если вы требуете правдоподобности, вы никогда не найдёте правды» [1: 32]. Всякий романтик, в том числе и американский, выше внешнего мира ценит область душевной жизни, фантазию. Границы мира физической современности открыты, и в него может проникнуть другая реальность, другой мир. «Романтизм невозможен без веры в существование трансцендентного, без веры в чудо. Романтик составляет жизнь предоставлять доказательств истинности этой веры», [13: 89] то есть сознание романтика первой половины XIX века было открыто для иных миров, было открыто для «вторжения» другой жизни, чуда.

Романтик, стремящийся замечать в мире все загадочное и таинственное, предпочитает оценивать увиденное как чудо. Пример

* © Седова Н.А.

ром здесь может служить история, описанная в рассказе «Сфинкс» Э. По. Герой повествования «увидел» в насекомом ужасное чудовище.

Чудесное связано с появлением существ, чуждых миру «физической современности». Такое «вторжение» отражено в творчестве Э. По. Писатель как бы «заигрывает» с дьяволом, принимает диалектику «добра и зла» в своих произведениях.

В доказательство того, что сверхъестественные существа являются из разных миров, можно привести историю рассказа Э. По «Маска красной смерти»: «Гость был высок ростом, изможден и с головы до ног закутан в саван. Маска, скрывавшая его лицо, столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придирчивый взгляд с трудом обнаружил бы обман.

Принц бежал с обнаженным кинжалом в руке, и, когда на пороге черной комнаты почти уже наступил отступающего врага, тот вдруг обернулся и вперил в него взор. Раздался пронзительный крик, и кинжал, блеснув, упал на траурный ковер, на котором спустя мгновение распростерлось мертвое тело принца. Тогда, призвав на помощь все мужество отчаяния, толпа пирующих кинулась в черную комнату. Но едва они схватили зловещную фигуру, застывшую во весь рост в тени часов, как почувствовали, к невыразимому своему ужасу, что под саваном и жуткой маской, которые они в исступлении пытались сорвать, ничего нет. Теперь уже никто не сомневался, что это Красная смерть» [9: 45].

В этом произведении Э. По *смерть*, обитатель, а может быть, и сама хозяйка «иного мира», приходит в мир живых, приняв облик жителя уже «этого мира». По мысли американского романтика, «иная» жизнь существует, – обитатели потустороннего мира живут другой жизнью, но могут являться в земной мир, перемещаясь из одного мира в другой.

Или другое произведение Э. По – «Лигейя». У главной героини рассказа было настолько сильно желание жажды жизни, что после смерти она возвратилась в «мир живых», но уже в чужом теле, второй умершей жены главного героя: «И тогда медленно раскрылись глаза стоявшей передо мной фигуры.

– В этом..... – пронзительно воскликнул я, – да, в этом я не могу усомниться! Это они – огромные, и черные, и пылающие глаза моей потерянной возлюбленной... леди... ЛЕДИ ЛИГЕЙИ!» [10: 72].

Из этого примера, казалось бы, напрашивается следующий вывод: для романтиков, в том числе и американских, существование других миров было такой же действительностью, как и существование реального мира в общепринятом понимании. Однако вспомним знаменитое высказывание Э. По: «В моей душе (разуме) нет никакой веры в сверхъестественное» [16: 63]. По нашему мнению, вывод из вышесказанного можно сделать такой: литературный гений в том и проявляет себя, что, преобразуя устоявшиеся стереотипы «нереального», создает иллюзию новизны и «настоящей реальности» – «других» миров. Эти миры периодически сталкиваются между собой, между ними происходит общение.

Мир религиозных догматов. К Америке это приложимо в том плане, что религиозные аллюзии на главные события Библии были исключительно характерны для литературы периода первой половины XIX века. Наглядный тому пример – произведение Н. Готорна «Молодой Браун», где главный герой встречается с самим Дьяволом. Нужно отметить, что в американской литературе того времени образ Дьявола весьма подвижен. Он меняет не только свой облик, но и имя, возможно, потому, как мы думаем, что имя сатаны произошло от древнеегипетского Сет-Ан, которое означает «Юг-Север», то есть постоянное противоречие. Здесь, как нам кажется, можно усмотреть некую аллюзию на противоречия духовного облика Америки тех лет.

Мир национального фольклора. Здесь собраны образы народных поверий и их подобия, порожденные фантазией романтика. Большинство американских писателей тех лет было убеждено, что народной массе были доступны те бессознательные, инстинктивные, туманные, странные знания, которые, опередив науку на целые столетия, живут, перемешиваясь с разного рода поверьями, в сознании общества и передаются через национальный фольклор из поколения в поколение. «Только по причине слабости наших органов, – писал еще в XVIII веке один из самых крупных представителей немецкого романтизма Новалис, – мы не переносимся в мир фей» [4: 335]. А вот в рассказе «Остров фей» Э. По «сталкивает» своего героя с настоящей феей.

Мы видим, что романтики, в частности американские, не случайно обращаются к народному творчеству своей страны.

В этот период времени Америка активно начинает искать пути своего самоопределения. Американское общество изучает свое

внутреннее «Я» и поэтому не случаен интерес американских романтиков к фольклору Нового Света, то есть к сказкам, мифам, поверьям, легендам, к разным народным суевериям, которые к XIX веку, по нашему мнению, уже приобретали черты национального характера.

Фольклор, как отмечает большинство исследователей, используется как средство для понимания менталитета, характера народа. Чтобы понять, выявить духовный облик народа Америки первой половины XIX века, американские писатели и обращались к различным формам народного творчества.

Как отмечает А. Л. Налепин в статье «Изучение проблем историзма в американской фольклористике»: «...невозможность выявить следы «ментальности», «духовного облика нации» в официальных исторических документах и заставила историков обратиться к новым для историографии темам «время, пространство, брак, семья, сексуальные отношения, женщина, детство, личность, смерть, аккультурация, истина, народная культура, народная религиозность, устная традиция» [6: 67].

Поиски новых источников вели западных историков к фольклору. До сравнительно недавнего времени преимущественно в американской науке за источник признавались только зафиксированные на бумаге факты. В той же статье А. Л. Налепин продолжает: «Осознание того, что официальный документ (хроника, летопись, отчет, газетный текст и т. д.) может носить легендарный характер или даже являться чистым вымыслом и что, напротив, фольклор (в самом широком толковании этого термина) может быть надежным историческим источником, пришло в историческую науку уже в наши дни, когда пересмотру была подвергнута вся концепция истории США» [8: 46].

История США, «духовный облик» нации и американский фольклор представляют собой единое целое и могут быть поняты лишь друг через друга. Однако здесь существует «опасность тезиса «фольклор – зеркало национального характера», так как отраженный образ будет определяться не трезвыми фактами, а региональными, этническими, социальными или же религиозными склонностями и пристрастиями людей, которые держат это зеркало» [3: 125]. В нашем исследовании духовного облика Америки первой половины XIX века мы постараемся придерживаться объективной точки зрения относительно данного вопроса.

Большинство исследователей, пишущих о фольклоре, сходятся в том, что фольклор есть «сумма знаний (верований, обычаев, афоризмов, песен, историй, преданий и т. п.), созданных игрой наивного воображения на основе повседневного человеческого опыта, которые сохраняются без помощи письменных или печатных средств [8: 76]. И хотя в том понимании, который принят у большинства европейских народов, население США, казалось бы, нельзя назвать единой нацией (поскольку население США составляют выходцы из разных стран), отрицать существование фольклора у американцев, «(как это делали традиционные фольклористы, сводящие его к сумме заимствований из фольклорного наследия англичан, шотландцев, французов и иных переселенцев на американский континент) — значит оставлять без внимания запечатленную в культуре память о богатом историческом опыте, присущем американскому народу» [2: 12].

Американский романтик предполагает возможность существования как реальных существ (в общепринятом понимании), так и «нереальных духовных существ вообще». «Общение» у романтиков очень разнообразно: люди могут вступать в контакт через разные миры с другими обитателями «иных миров».

Почему же романтики обращаются в своем творчестве к «другим мирам»? Можно согласиться с М. Штирнером и Л. Фейербахом, труды которых очень ценили в США, в том, что это была попытка спасти религиозную веру: «Что лежит в основе тёплой веры в привидения, как не вера в существование “духовных существ вообще”, и ведь эта вера должна роковым образом пошатнуться, если допустить, чтобы дерзкие люди колебали веру в привидения. Какой удар получила бы самая вера в Бога, когда исчезла вера в привидения, это романтики почувствовали совершенно ясно, поэтому они старались отвлечь роковые последствия не только попытками воскресить сказочный мир, но затем в особенности посредством “вторжения высшего мира”, своими сомнамбулами, ясновидящими и т.д.» [15: 33]. Пока религиозная вера жива, в людях живёт вера как в Бога, так и в героев народных поверий.

Соприкосновение с темой запредельного заставляло американских романтиков задуматься о том, как мы познаем мир. Традиционный «просвещенческий» подход, который романтики не приняли безоговорочно, «работал» в то время – это логика, поиск закономерностей, выстраивание логических

рядов, составление классификаций. (Собственно, вся наука до сих пор создавалась именно так).

В XVIII веке Просвещение пыталось уничтожить все «предрассудки», старалось найти ответы на все вопросы бытия, однако эта борьба с невежеством со временем сменяется желанием воскресить все то НЕОРДИНАРНОЕ, что живо в духовном облике общества.

Обращение к «духовным существам вообще» показывало романтикам США, что очень многое не укладывается в привычные рамки, что каждая картина – это новая вселенная, новый мир, новое Пространство человека. Это переход из одного пространства жизни в другое.

К «народным фантазиям» относится, как уже упоминалось нами, национальный фольклор – это миф, легенда, сказка. Населенные их персонажами романтические миры открыты. «Наш мир», сам человек, по мнению многих романтиков Нового Света, является «дверью» в Инобытие. Наглядный пример – рассказ «Элеонора» Э. По. Умирая, возлюбленная главного героя, пообещала ему после своей кончины являться зримо и незримо, охраняя его покой: «И раз – но только раз! – в ночной тиши сквозь решетку окна послышались давно замолкшие тихие вздохи, и милый, такой знакомый голос сказал:...» [12: 174].

Из посещающих людей обитателей других миров особенно «популярными» кажутся мертвецы, пришедшие «оттуда», которые так или иначе дают о себе знать. Наглядный тому пример – произведение Натаниэля Готорна «Опыт доктора Хайдеггера»: «Но было известно, что эта книга волшебная; однажды служанка приподняла ее, желая стереть пыль, – и тотчас же скелет застучал костями в своем ящике, молодая леди с портрета ступила одной ногой на пол, из зеркала высунулось несколько страшных рож, а бронзовая голова Гиппократы нахмурилась и сказала: «Берегись!»» [5: 310].

Следует отметить, что сам американский писатель-романтик в своем мире «физической современности» обычно очень хорошо осознает, где он находится. Об этом факте нам красноречиво говорят заметки «Американских записных книжек» Н. Готорна, в которых писатель дает четкое объяснение, почему так, а не иначе он «строит» тот или иной свой рассказ. Романтик сожалеет об ограниченности «нашего мира», об ограниченности человеческого сознания. Л. Уланд

пишет: «Лучшие силы души тянутся с бесконечной тоской в бесконечную даль. Но дух человека, хорошо чувствуя, что он никогда не сможет постичь бесконечность во всей полноте и устав от неопределенно-блуждающего томления, соединит вскоре свои страстные желания с земными картинами, в которых ему всё же чудится отблеск сверхъестественного» [14: 159]. Материализм кажется романтикам США примитивным учением, освещающим лишь видимую сторону жизни. Романтики всегда стремятся иметь личный опыт соприкосновения с теми явлениями, которые лежат вне области разумного. Достигают они этого через чтение книг мистического содержания, занятия спиритизмом, употребление алкоголя или наркотиков. Все это мы находим в произведениях Э. По, например, в рассказах «Черный кот», «Лигейя» и многих других. «Но в любом случае, даже если романтик берётся непосредственно описать опыт подобного рода, это не просто то, что «привиделось». Это то, что имело реальную власть над сознанием, было осмыслено и прошло литературную обработку» [7: 145]. Известно, что сам писатель употреблял алкоголь и наркотики.

В следующем отрывке из рассказа Э. По «Черт на колокольне» четко можно увидеть то, как воспринимали ВРЕМЯ американские романтики, а вместе с ними и все американское общество первой половины XIX века:

– Раз! – сказали часы.

– Расс! – отозвался каждый маленький старичок с каждого обитого кожей кресла в Школькофремене. «Расс!» – сказали его часы; «расс!» – сказали часы его супруги, и «расс!» – сказали часы мальчиков и позолоченные часики с репетиром на хвостах у кошки и у свињи.

– Два! – продолжал большой колокол; и

– Тфа! – повторили все за ним.

– Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять! – сказал колокол.

– Три! Тшетире! Пиать! Шшесть! Зем! Фосем! Тефять! Тесять! – ответили остальные.

– Одиннадцать! – сказал большой.

– Отиннатсать! – подтвердили маленькие.

– Двенадцать! – сказал колокол.

– Тфенатсать! – согласились все, удовлетворенно понизив голос.

– Унд тфенатсать тшасофф и есть! – сказали все старички, поднимая часы.

Но большой колокол еще с ними не закончил.

– Тринадцать! – сказал он.

– Дер Тейфель! – ахнули старички, бледнея, роняя трубки в снимая правые ноги с левых колен.

– Дер Тейфель! – стонали они. – Дряннатсать! Дряннатсать! Майн Готт, сейтшас, сейтшас дряннатсать тшасофф!

К чему пытаться описать последовавшую ужасную сцену? Всем Школькофременом овладело прискорбное смятение [11: 79].

В этом рассказе американский писатель высмеивает шаблонную жизнь обитателей немецкого городка, перенося эту модель на американское общество первой половины XIX века.

Обычно часы символическим образом воплощают в себе упорядоченность, стабильность человеческой жизни. Но в произведениях Э. По мы наблюдаем иную картину: странный пришелец ломает часы на городской башне в самые важные минуты, в вечернее время часы на Пьянце обозначили роковое событие («Свидание»), в ожидании мести дьявола именно часы занимают все мысли героя новеллы «Ангел Необъяснимого». Ход часов все ближе приближает человека к неизбежной встрече с неизведанным: «На сей раз часам предстояло пробить двенадцать ударов, и, может быть, поэтому чем дольше они били, тем сильнее закрадывалась тревога в души самых рассудительных. И, может быть, поэтому не успел стихнуть в отдалении последний отзвук последнего удара, как многие из присутствующих вдруг увидели маску, которую до сих пор никто не замечал» [9: 125].

Или другой пример – из рассказа «Лигейя»:

*По кругу мечется толпа
За призраком вослед* [12: 174].

Интересно, но по большей части категория времени в творчестве Э. По имеет значение трагического исхода, конца земной жизни. Умирающая природа, вечер уходящего дня, качание маятника – все это образы «конечности» человеческой жизни. Время одновременно дает жизнь и снова ее забирает.

В символическом смысле река определяет моменты жизни, главные для человека. Берег реки является своего рода переходом между двумя мирами – запредельным и земным. Например, осенним вечером Морелла сообщает своему возлюбленному, что умирает («Морелла» Э. По); ночью, к концу сентября, леди Ровена говорит о своем предчувствии скорой смерти («Лигейя»); на берегу реки

встречаются герои произведения «Элеонора»: «...ужас могилы для нее лишь в одном; она поведала мне об этом однажды в сумерках на берегу Реки Молчания» [12: 170].

Таким образом, американские романтики воспринимали категорию времени как философское понятие. Они полагали, что во вселенной времени не существует. Это изобретение человечества. Все живое связано с друг другом на глубинном, внутреннем уровне, а не отделено друг от друга, как предполагает «наш мир». Разум человека «защищается» от столкновений с невероятным поиском объяснений того, что объяснить невозможно. Романтики Америки старались показать, выявить контраст между сиюминутным, повседневным и вечным. И нередко именно с помощью сверхъестественной силы американские писатели первой половины XIX века в своем творчестве сопрягали американское «мещанское время» и время как категорию человеческого бытия.

Американские романтики, так же как и романтики в Европе, верили в реальность «со многими слоями». Миры между жизнью и смертью, где можно было потерять живых и найти мертвых, имели для них важное значение. Наличие альтернативных связующих нитей между мирами, между различными аспектами мироздания, хорошо показывает нам, насколько сложными и противоречивыми были представления романтиков о мироздании и нашей вселенной.

Американские романтики первой половины XIX века полагали, что человек принадлежит одновременно к нескольким мирам, и он есть как бы место их встречи и пересечения. Через тело и через душевную жизнь человек входит в ПРИРОДУ и мир современности. С другой стороны, человек входит в совсем иной мир. Жизнь человека в физическом теле – это урок, этап духовного развития. XIX век в Америке – это попытка подтверждения главной истины, что все – живое, а Смерть лишь переход одной формы жизни в другую. Человек не утратил тех качеств души, которые позволяют ему путешествовать сквозь Время и Пространство – так полагали американские романтики. Назначение человека писатели Америки первой половины XIX века видели в осуществлении связи между мирами: плотным, материальным и духовным.

Главное назначение человека, которое отражено практически во всей литературе США XIX века, – это совершенствование. А пути к нему, предложенные романтиками, разнятся: они зависят от индивидуальной

картины мира, созданной каждым из писателей. Производя переоценку ценностей былых времен, они не отреклись от главной истины «праотцев»: вера, с которой христианин идет по жизни, по мнению писателей, приводит его в высший духовный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Брандес Г. Романтическая школа во Франции // Брандес Г. Собр. соч. в 12-и тт. – Киев, 1902. – Т. 7. – С. 32.
2. Ващенко А.В. Горькие уроки Дикого Запада. Кэмпбелл. Американская проза о Дальнем Западе. – М., 1983. – С. 12.
3. Вилсон В.А. Теория американского фольклора Ричарда Дорсона: финский аналог. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 125.
4. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. – М., 2006. – С. 335.
5. Готторн Н. Опыт доктора Хайдеггера // Алая буква. – М., 2006. – С. 310.
6. Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике // Этнография. – М., 1984. – С. 67.
7. Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. – М., 1992. – С. 145.
8. Налепин А.Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике // Фольклор. Проблема историзма. – М., 1988. – С. 46.
9. По Э. Маска красной смерти // Золотой жук. – М., 1989. – С. 45.
10. По Э. Лигейя. // Убийство на улице Морг. – М., 1987. – С. 72.
11. По Э. Черт на колокольне. // Убийство на улице Морг. – М.: Московский рабочий, 1987. – С. 79.
12. По Э. Элеонора. // Убийство на улице Морг. – М., 1987. – С. 174.
13. Тарнас Р. История западного мышления. – М., 1995. – С. 89.
14. Уланд Л. О романтическом. // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М., 1980. – С. 159.
15. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков, 1994. – С. 33.
16. Яхонько М. И. Проблема соотношения морали и религии в творчестве Э. По. – Киев, 1991. – С. 63.

N. Sedova

SPACE AND TIME AS A CATEGORY OF CULTURE IN AMERICAN ROMANCE LITERARY

Abstract: In this article the author attempts to explore the understanding such categories as space and time by American society in the first half of the nineteenth century through the literary works by American Romantists. That allows to understand better the spiritual image of America of those years. We know that everyday life of people is restricted by time and space. The author notes that the American writers in their works constantly operated with categories of past, present and future. However, they believed that space and time in terms of eternity have no reality on the spiritual level. Eternity is an intangible reality. Human objective abilities can not perceive it, though people can feel internally elevating their souls towards spiritual world.

Key words: space, time, mentality, religious consciousness, the spiritual image of the country.

УДК 821 (091)

Седова Н.А.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ*

Аннотация: Нет ни одного народа, который не знал бы религии, и, следовательно, возникновение и развитие религиозных представлений связано с определенной «картиной мира» человека, которая так или иначе лежит в различных вариантах конкретных религий. В этом смысле и принято говорить о религиозном сознании. Религиозное сознание подчеркивает, что наличие религиозных представлений соответствует духовным потребностям человека – это с одной стороны, а с другой, ре-

лигия является отражением реального бытия общества. В данной статье автор предпринимает попытку исследовать религиозное сознание США первой половины XIX века через литературное творчество американских романтиков. Автор статьи отмечает, что Америка того периода – это попытка преодоления рокового раздора между двумя верами – верой в Бога и верой в человека. Американские романтики в своем творчестве искали решение этой проблемы, которая проходит через всю историю США с самого их возникновения.

* © Седова Н.А.